

18+

СВЕТЛАНА ОСТРОВСКАЯ

Эмигранты

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Г. Харбин-Пристань. Китайская ул.
街ヤカスイタキるな華繁の一第ソビルハ

Светлана Островская

Эмигранты.

Документальная повесть

«Издательские решения»

Островская С.

Эмигранты. Документальная повесть / С. Островская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530394-3

Брат и сестра Генины разделили судьбу многих эмигрантов начала XX века. Роберт Генин в поисках социалистического рая, одинокий и разочарованный, покончил жизнь самоубийством в Советской России. Его сестра Рахель стала частью семьи крупных промышленных предпринимателей в Харбине. Она стала свидетельницей и участницей уникального и успешного опыта еврейской общины, прообраза рая капиталистического. Но между датами рождения и смерти — жизнь, полная свершений в вихре событий российской истории.

ISBN 978-5-00-530394-3

© Островская С.
© Издательские решения

Содержание

Унесенные ветром	6
Головешки спасенные из огня	8
Кабалкины	10
Египет	11
Европа. Конец прекрасной эпохи	13
Маньчжурия. КВЖД	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эмигранты

Документальная повесть

Светлана Островская

© Светлана Островская, 2021

ISBN 978-5-0053-0394-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Унесенные ветром

*Дети жестокого бога
Пасынки русской погоды
Все наше счастье в дорогах
Вечным проклятьем Исхода
Борис Бляхман, Израиль*

Еврейские судьбы всегда связаны со странствиями.

То ли характер, то ли Судьба вечно гнала евреев с насиженных мест, но так или иначе, странствуя по свету, они оставляли свой след в каждой стране и каждом столетии. Судьбы героев этой книги и география этих странствий не уникальны. Они как песчинки в ураганном вихре XX века оседали по всей планете, смешивались с местной почвой, проросли новыми ветвями и, подхваченные новым вихрем, уносились прочь. Огромная жизненная сила, энергия и выносливость помогала им, как деревьям в вырубленном лесу, возрождаться из каждого стебелька, корешка и семечка. Некоторые давали жизнестойкие плоды, другие погибали, не укоренившись на новой почве.

Открывались, закрывались и перекраивались границы, миллионы людей погибали в войнах и революциях, природных и человеческих катастрофах. Размывались границы добра и зла...

В 1887 году в Европе была введена квота на обучение для российских студентов. Это побудило многих из них выехать на учебу в Германию, Австрию и Швейцарию. После покушения на Александра II в России до 1914 не прекращались еврейские погромы. И не удивительно, что с 1881 по 1914 год из России в США и Европу выехали более 2 миллионов евреев.

Герои моей истории, брат и сестра Генины, родившиеся в еврейской семье западной окраины Российской империи, по разным причинам оказались в разных концах планеты. Оба они, каждый по своему, разделили судьбу многих и многих эмигрантов начала XX века.

Роберт Генин, проживший 34 года в Европе начала XX века, стал известным в свое время художником модернистом и интернационалистом, мечтавшим своим искусством преобразить мир. В поисках социалистического рая, одинокий и разочарованный, он покончил жизнь самоубийством в Советской России.

Его сестра Рахель стала частью семьи крупных промышленных предпринимателей, посвятив жизнь детям, своим и чужим. Она и ее потомки стали свидетелями и участниками уникального и успешного опыта еврейской общины, прарабара рая капиталистического. Прожив 30 лет в русском Харбине, она закончила свой путь в Калифорнии, США

Но между датами рождения и смерти – жизнь, полная страстей и свершений в вихре событий российской истории.

*Нас ветер истории носит по свету
Библейские страсти мы носим в сердцах...
Белла Дижур*

(Лифляндия, Климовичский уезд, село Высокое).

В результате трех разделов Польши в конце XVIII в. к Российской империи были присоединены территории Украины, Белоруссии и Литвы со значительным еврейским населением, а после присоединения в 1815 г. Царства Польского Россия стала государством с самым многочисленным еврейским населением. В 1791 г. Екатериной II евреи практически были лишены многих прав, в том числе даже права на свободу передвижения, права проживания на большей

части Российской империи, в том числе на Дальнем Востоке, и были заключены в узких границах так называемой «черты еврейской оседлости». Исключение составляли представители нескольких категорий: купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам, караимы. Сибирь и Дальний Восток официально всегда были закрыты для всех категорий евреев.

Лифляндская и Курляндская губернии не входили в состав черты оседлости. Латгалия была присоединена к России в 1772 г. Сначала она входила в состав Псковской губернии, с 1777 г. – Полоцкой, а с 1802 г. – Витебской губернии. В 1778 г. вступил в силу закон о подразделении городского населения на сословия купцов и мещан, причём последним приказывалось жить в городах. Евреи успешно занимались торговлей также и за границами страны, и стали частью сильного среднего класса. Особенно зажиточные из них основали свои банковские дома и принимали участие в финансовой жизни.

При кажущемся благополучии многие евреи со временем острее стали ощущать, что они, тем не менее, чужаки. Их благополучие зависело от настроения тёмной толпы, от прихоти сменяющегося настроения правителей. Их права не определялись конституцией, а прописываются отдельными статьями. Получающие хорошее современное образование или квалификацию их дети в любой момент могли быть лишены всего или погибнуть в разгуле очередного погрома. Выход, которого искали многие еврейские семьи, заключался в эмиграции в другие страны, где евреи жили на равных правах со всем населением. [1]

Головешки спасенные из огня

*Расстояние: версты, мили...
Нас расставили, рассадили
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.*

Марина Цветаева

«Мне четыре года. Вечер в Высоком. Я залез на стул возле стола, на котором лежит лист бумаги и горит свеча. Пол устлан соломой. Во что бы то ни стало мне надо поджечь бумагу – мама не разрешает делать этого. Но вот она уходит, чтобы уложить трехлетнюю сестру в кровать. Я торопливо подношу бумагу к свечке – и отбрасываю ее в испуге на пол... Вокруг все пылает. Темная ночь – мать крепко держит меня на руках. Языки пламени мощно рвутся из окон, лижут деревянные постройки, соломенную крышу. Я потрясен величием разыгравшегося спектакля – мне даже кажется, что и мама смеется вместе со мной. Полураздетые – сестренку вытащили в последний момент из окна – мы бредем поздней ночью вдоль озера – мимо зеленой церкви в Красовичах к дому бабушки».

Так опишет этот день в своей книге «Зарисовки и воспоминания» будущий европейский художник и московский пропагандист соцреализма Роберт Генин. Забытый современниками, он вернулся в Историю европейского искусства лишь в XXI веке благодаря усилиям коллекционеров и искусствоведов нового века. [2], [14]

Судьба сестры Роберта Генина, в младенчестве спасенной из горящего отцовского дома, до сих пор не была известна. Возможно, никто кроме самых близких, так и не заинтересовался бы ее судьбой, если бы эта судьба не соединилась с другой судьбой, подхваченной ветром Истории.

После распада семьи, вызванной пожаром, Рахель, сестра Роберта Генина, была отдана в семью ее матери, которая вскоре умерла родами. Новорожденного брата Зиновия Рахель никогда не увидит. Отец, Лейба Аарон Генин, через несколько лет после смерти жены завел новую семью, где появились новые дети.

Роберт, воспитанный в семье бабушки Якова Генина, учился в школе, потом уехал в Вильно учиться на художника, изредко приезжал к бабушке на каникулы, а потом и вовсе отправился в Одессу горе мыкать и мечтать о славе. [2]

В Одессе моя пища состояла из чая и хлеба, а жил я в грязных окраинных ночлежках вместе с сотнями других обитателей: алкоголиков, безработных, воров, проституток. Однако я воспринимал это горькое существование как жертву во имя искусства, именно такой представлялась мне жизнь всякого художника, осененного свыше. Бывали и такие моменты, когда мне хотелось пасть на колени и благодарить Бога за его милость ко мне. Ведь теперь я был признанным талантом, которого уважают коллеги и которому завидуют. Все хотели познакомиться со мной, я гордился этим. Теперь я уже не стыдился своей бедности, к этому времени я уже был посвящен в социализм. Более того, я совсем сбросил обувь и ходил по городу босиком, с распахнутой грудью, длинными волосами и в шляпе с полями шириной в собственный рост. Да, я был осенен свыше, и об этом следовало

знать всему городу. Продолжительное голодание сделало из меня робкого, погруженного в себя и чувствительного человека. Несправедливость на Земле, прискорбная судьба проститутки, ожесточение против богатых – вот что составляло содержание стихов и романов, сочинению которых я периодически страстно предавался, а также эскизов моих будущих картин. Я зарабатывал свои гроши ретушированием заказных портретов по фотографиям и целыми днями бывал без куска хлеба. В таком настроении я бродил по парку у моря, где ежедневно давали скрипичные концерты. Я или сочинял, или позволял пролиться слезе о моей нужде, мечтая о совсем другом будущем, в котором я никогда не сомневался. Это будет прекрасная жизнь, большое искусство, огромные выставки, мое имя во всех большом искусстве, огромные выставки, мое имя во всех газетах, оно передается из уст в уста, за граница, прекрасные женщины... – так вспоминал он свою юность.

В свои 16 лет он отправился в Мюнхен продолжать учебу, следуя за своей мечтой. Он всеми силами пытался ее осуществить, и осуществил... но вмешалась судьбоносная История и все изменила.

В детстве Рахель росла сиротой, воспитывалась у бабушки в строгости на правах бедной родственницы. В свои 16 лет она стала красавицей и настало время показывать ее женихам. Его Величество Случай не замедлил представиться. Родственники взяли ее с собой на одну из многочисленных семейных свадеб. На этой свадьбе ее заметил Семен Кабалкин, сын богатого еврейского купца из Риги.

Кабалкины

Злата Захаровна Кабалкина, жена романа Моисеевича Кабалкина, искала невест для двух своих сыновей, Семена и Якова. Оба они уже выучились на инженеров в Тарту, и отец возлагал на них большие надежды. За Якова она была спокойна. Он, хоть и младше Семена, но серьезный, ответственный юноша. Семен вызывал у нее беспокойство «диковатым» характером. Заметив, как он пялится на скромную девушку в толпе, она даже обрадовалась.

– Что, понравилась?

– Хорошенькая..., а кто это?

– Хеля Генина, дочка погорельцев. Твоя cousin, между прочим. Живет у бабушки, бедняжка. Приглядишься к ней.. семья хорошая и девушка славная. Пора тебе остепениться...

– А пригласи – ка ее к нам погостить...

На том и порешили.

Роман Моисеевич (Рувим или Reuven Мовшевич) Кабалкин, родом из Полоцка, жил в Риге с женой Златой (Елизаветой) Захарьевной, родом из Новгорода и 9-ю детьми. Дети: Рафаел, Фанни и Женя родились в Полоцке. Семен, Яков (Шабша), Самуэль, Захар, Юлия и Ольга родились в Смоленске. Все дети получили образование. Сыновья получили высшее инженерное образование, дочери – среднее школьное. Домашним языком был русский. На идиш говорил только Рувим Моисеевич. Кроме семьи в доме проживали горничная Вишневская Софья Николаевна, католичка, и гувернантка Анна-Шарлота, лютеранка.

Просторный деревянный дом в квартале «Maskachka» города Рига был полон гостей. Злата Захарьевна поощряла отношения Хели с Семеном, с которым она была помолвлена. Яков Кабалкин тоже обзавелся невестой.

Роман Моисеевич в доме появлялся не часто. Крупный предприниматель, торговец зерном, экспортер, купец 2 гильдии, он разъезжал по городам и весям, часто бывал в Петербурге и Лондоне. Предприимчивый человек, мыслящий масштабно, он осознал зарождение финансового капитализма в мире и искал в нем свое место. Семья всегда имела для него первостепенное значение. Детям он часто повторял слова Меира Ротшильда: «Есть только два народа, о которых тебе следует знать, – первый – это семья, а второй – все остальное».

Времена были смутные. Впрочем, когда они были легкими для евреев? В Империи полыхали погромы, пахло революцией. Зарубежные газеты писали об ужасах и зверствах:

«Страшная, кровавая волна поднялась надъ Россіей. Горятъ помѣщичьи усадьбы, пылаютъ убогія избенки, подоожженныя храбрыми командирами „карательныхъ“ бандъ палачей, свистятъ розги надъ тѣми, кому „изъ челоуѣколюбія“ даруютъ жизнь мундирные убійцы, но движеніе, которое пытаются подавить всѣми доступными обезумѣвшему челоуѣку мерами насилія, не прекращается» [9]

Чувствуя веяния времени, опасаясь за детей, Роман Моисеевич снял у хедива имение в Египте и перевез туда всю свою семью, включая невест своих сыновей. Семен и Рахиль поженились два года спустя. Их первая дочь Людмила Кабалкина, родилась в Каире в 1907 году.

Египет

В начале XX века Египет окончательно вышел из-под влияния Османской империи и превратился в британский протекторат, началось его быстрое экономическое развитие. Путешественникам начала XX века, легко было почувствовать, что весь мир быстро меняется. Расстояния стремительно уменьшались, далёкие страны оказывались намного более доступными. Достаточно было купить билет на пароход в Лондоне или Марселе и вот вы уже в Африке.

Особая атмосфера Каира привлекала многих. Здесь можно было встретить множество предпринимателей и авантюристов из самых разных стран, мечтавших разбогатеть на египетском буме. Они инвестировали капиталы в хлопок, железные дороги, банки, сахар и даже в туризм. [4]

Одной из главных причин быстрого развития Египта был дефицит хлопка. На хлопок был большой спрос, и Египет быстро превратили в огромную хлопковую плантацию. Вот этим и занялся Роман Моисеевич Кабалкин.

К началу XX века центр Каира имел вполне европейский вид с банками, отелями, дорогими магазинами, телефонными и телеграфными компаниями, садами и широкими бульварами, напоминающими Париж. Вот в таком Каире и оказалась Хеля Генина, девочка, спасенная из горящего дома.

Трудно представить себе, чтобы мальчика в провинциальной еврейской семье назвали Робертом, но так он себя назвал и так мы его запоем. Начало века он встретил в Европе, переезжая попеременно из Парижа в Мюнхен и обратно. Жил коммуной с друзьями по Одесскому училищу. Освоил новую для себя технику гравирования сухой иглой, но мечтал о живописи. Он уже достаточно поездил по Европе, учился то там то тут, знаком с немецкой и французской эмигрантской нищенской богемой. В Сорбонне он взял курс социалистических наук и считал себя социалистом.

Известие от сестры из Египта застало его в парижском «Улье» (La Ruch) – приюте голодающих творцов папаша Альфреда Буше, где художники «или умирали с голоду или становились знаменитыми». Именно об этом он и мечтал в своей босоногой юности. А друзья товарищи были почти «земляками», понаехавшими за славой из еврейских местечек и окраин Российской империи.

Приглашение в Египет казалось заманчивым. Египет стал «модным» еще с конца XIX века. А для художника увидеть и запечатлеть новый коларит, вдохнуть новый воздух – редкая удача. Сестра, о которой он мало что знал, была единственным человеком, связывающим его с семьей. Отца он презирал за преклонение перед богачами, мать умерла. Дядя Вениамин, друг детства... остался в прошлом мире, который хотелось забыть. И он купил билет на пароход из Марселя. [2]

Но до Марселя надо было еще добраться. Денег особенно не было, добирался он «на перекладных», а где и пешком, и, конечно, опоздал. Пароход отправился без него, пришлось ждать следующего, заодно погулять по портовому южному городу. На пароходе он спохватился, что забыл взять с собой адрес сестры. От природы легкомысленный, он был рад новому приключению, а бытовые неудобства его никогда не пугали. Как всегда и бывает с авантюристами, все в конце концов образуется. Так случилось и на этот раз. Они встретились.

Это была уже не маленькая испуганная девочка, которую он запомнил в ту роковую ночь, когда догорал их отчий дом. Молодая красивая женщина, жена и невестка крупного коммерсанта, отзывалась на имя Рашель Аароновна. Это его несколько озадачило. Их отца звали Лейба Аарон. Впрочем, какая разница? Разве думал он тогда, что станет Робертом Львовичем в еще не существующей тогда Советской России? Пути Господни не исповедимы.

Свадьбу он, конечно, пропустил. Принимали его как арабского шейха со всем присущим восточным гостеприимством. В доме все говорили по русски. Имение было большое, но и семья была не маленькой. В доме было сытно, шумно, но комфортно. К этому он не привык. Ему отвели комнату, прислугу, мастерскую для работы... но он чувствовал себя не в своей тарелке. Об искусстве не с кем было поговорить. Все разговоры были об акциях, инвестициях, рынках ценных бумаг и прочей ерунде. Он и слов то таких не знал. О своих впечатлениях писал друзьям в Париж: « Живут как буржуи!». Его тянуло в Европу, где рождалось новое искусство, которое он чувствовал и понимал лучше, чем индустриализацию и глобализацию. И он уехал, оставив после себя дурное впечатление.

*Прощай, позабудь и не обессудь. А письма сожги, как мост.
Да будет мужественным твой путь, да будет он прям и прост.
Да будет во мгле для тебя гореть звёздная мишура, да будет
надежда ладони греть у твоего костра. Да будут метели, снега,
дожди и бешеный рёв огня, да будет удач у тебя впереди больше,
чем у меня. Да будет могуч и прекрасен бой, гремящий в твоей
груди. Я счастлив за тех, которым с тобой, может быть,
по пути.*

И. Бродский

Европа. Конец прекрасной эпохи

В Мюнхене открылся новый модный молодежный журнал Jugend. Роберт отправил туда свою графическую работу на актуальную тему Российской политики и получил свой первый гонорар. С тех пор 40 его графических работ регулярно публиковались в этом еженедельнике. Здесь он встретил свою будущую жену.

Марта Карпова была беженкой из Белостока. В то время Белостокский погром потряс все цивилизованное человечество своими зверствами. Газеты взывали о прекращении кровопролития. [5]

«Всюду в Европе и за океаном происходили и происходят грандиозные митинги протеста против русских зверств. В Лондоне в палату общин вносится запрос относительно того, намарено ли английское правительство... активно вмешаться и помешать дальнейшей бойне в России. Немцы на целом ряде митингов и собраний совершенно недвусмысленно говорят об оккупации Польши. В Париже, воззвание, под которым подписались видные деятели науки и литературы, в том числе: Анатоль Франс, вдова Эмиля Золя, несколько ученых, сенаторов и депутатов гласило: „Эти резня и и погромы – только прелюдия грандиозного плана и мы явимся выразителями общественного мнения, прося наше правительство не оставаться инертным к преступлениям русского режима и сделать через посла в Петербурге представление, чтобы остановить кровавую эпопею на всем протяжении России“. Английский король Эдуард послал русскому императору депешу, в которой выражал свое живейшее сожаление по поводу ужасных событий в Белостоке.» [5]

Марта была на пару лет старше Роберта. После всех страшных событий обоим, надо думать, хотелось семейного тепла. Один за другим рождались дети, Хельга в 1907 и Герхард в 1909. Но уже через несколько лет его подхватила новая волна чувств и событий. Марта вернется в Прибалтику. Сына она родит в Елгаве.

Новый век принес новую мораль, институт брака начинал претерпевать изменения. Закончилась эпоха Fin de siècle, упадка, мрачной утонченности, падения моральных норм. Наступило время общего экономического подъема между франко-прусской и началом Первой мировой войны.

А Роберт целиком поглощен искусством. Он опьянен свободой, жаждет известности, использует любую возможность, чтобы участвовать в выставках. В 1907 году в Париже, в 1913-м в Цюрихе, а затем в Швеции он выставляет свои картины. В это время в Германии рождается новый интернациональный художественный стиль, – экспрессионизм, как отражение нарастающего социального напряжения и всеобщей усталости, и Роберт Генин становится под его знамена. Прекрасный рисовальщик, воспитанник русской классической школы, он пробует себя во всем, что кажется ему созвучным времени и месту.

«Прекрасную эпоху» (Belle Époque), нередко называют «первой волной» глобализации.

«Начался подъём, который во всех странах Европы был ощущен почти в равной мере... Уровень жизни возрастал, и это чувствовалось во всём... Выигрывал тот, кто рисковал... чем смелее, чем безрассуднее затевалось предприятие, тем вернее оно окупалось. И от того на мир снизошла упоительная беззаботность, ибо что же могло прервать этот подъём,

остановить взлёт, черпавший в самом себе всё новые силы?.. Мир стал не только прекраснее, но и свободнее... раньше за границу выезжали только избранные, теперь банковские клерки и мелкие ремесленники предпринимали путешествия в Италию, во Францию... люди почувствовали себя увереннее, в них появилась небывалая отвага, они стали смелее в странствиях, безрассуднее в жизни» —

писал Стефан Цвейг в своих «Воспоминаниях европейца»

В 1913 году галерея Танненхаузер заключает с Гениным контракт на постоянной основе. Это дает ему уверенность в завтрашнем дне и благосклонность критиков:

«Картины Генина воплощают социалистический идеал. ...Может быть, что этим идеям принадлежит будущее»...

Но «Прекрасная эпоха» тоже закончилась, и новый, грозный век вступил в свои права. Стефан Цвейг, оглядываясь в прошлое из тревожного и мрачного времени 1930-х годов, назвал ее «вчерашним миром» – миром либерального космополитического оптимизма, навсегда оставшимся в прошлом в преддверии приближающейся новой мировой войны. Символами того безмятежного времени стали кафе на парижских бульварах, Эйфелева башня и знаменитый лайнер «Титаник». К началу Первой мировой войны мир Belle Époque был одновременно и глобализированным, и разобщённым.

В 1914 году, накануне начала Первой мировой войны, многие отказывались верить в саму возможность войны между европейскими государствами. Для всех было очевидным, что война – это экономическое самоубийство. Когда война уже началась, она казалась всем кошмаром, охватившим многие страны, и никому не было понятно, как могла произойти такая катастрофа. Охватив на несколько лет значительную часть мира, война уничтожила многое из созданного за предыдущие несколько десятилетий общего подъёма и расцвета глобализации. Погибло 8,5 млн человек и 8 млн было искалечено, в основном это были молодые люди – поколение, выросшее в эпоху процветания, глобализации и открытости мира. [4]

Приближение войны Роберт, кажется, не заметил, а она ворвалась в жизнь и изменила все и во всем мире. Он жил, попеременно меняя адреса то в Мюнхене, то в Берлине, навещаясь в Париж. Он чувствовал себя вполне европейцем, но ему напомнили, что он подданный Российской империи, враждебного государства, подлежащий высылке. Вот чего ему не хотелось – это возвращаться в родные края. Тем более, что в газетах писали, что российские евреи массово выселяются из прифронтовой полосы, незаслуженно обвиненные в предательстве в пользу Германии. Где теперь его родина? Семья? Дети? Где его дедушка, бабушка, дядя Вениамин? Живы ли? [2]

Все его друзья художники эмигранты разъехались, а некоторые призваны в армию или ушли добровольцами и погибли. Он не враг Германии, он часть ее. Так ему казалось, и не только ему одному...

Впрочем, судьба опять ему улыбнулась. Роберт Генин высылается в местечко Вальдтрудо-деринг вблизи от Мюнхена под наблюдение местного командования. Здесь он не перестает работать, однако чувствует, что его утопические мечты больше не находят отражения в реальной жизни.

Роберт Генин. Милосердие

Социалистическая революция в Германии провалилась. Поля Фландрии усеяны крестами. По улицам европейских городов бродят человеческие обломки, без рук, без ног, отравленные газом, непрерывно кашляющие. Жизнь изменилась катастрофически и, хотя военные действия еще идут, в 1915 году он публикует серию рисунков «Женщина на войне», «Вдова», а в 1917 году – серию гравюр на военную тему.

В 1917 году галерея Таннхаузер проводит его вторую персональную выставку, а в 1919 году третью. В этом же году он берет в банке ссуду и покупает дом в Швейцарской Асконе, сдает его в аренду и уезжает в Берлин.

Роберт Генин в Берлинской мастерской

Послевоенный Берлин, как и Париж 1920х годов были полон соблазнов. Несмотря на ужасающую инфляцию, ночная жизнь Берлина привлекала эмигрантов, особенно художников. Наркотики, проституция, алкоголизм – вот то, что составляло суровую реальность женщин и мужчин на картинах многих художников того периода.

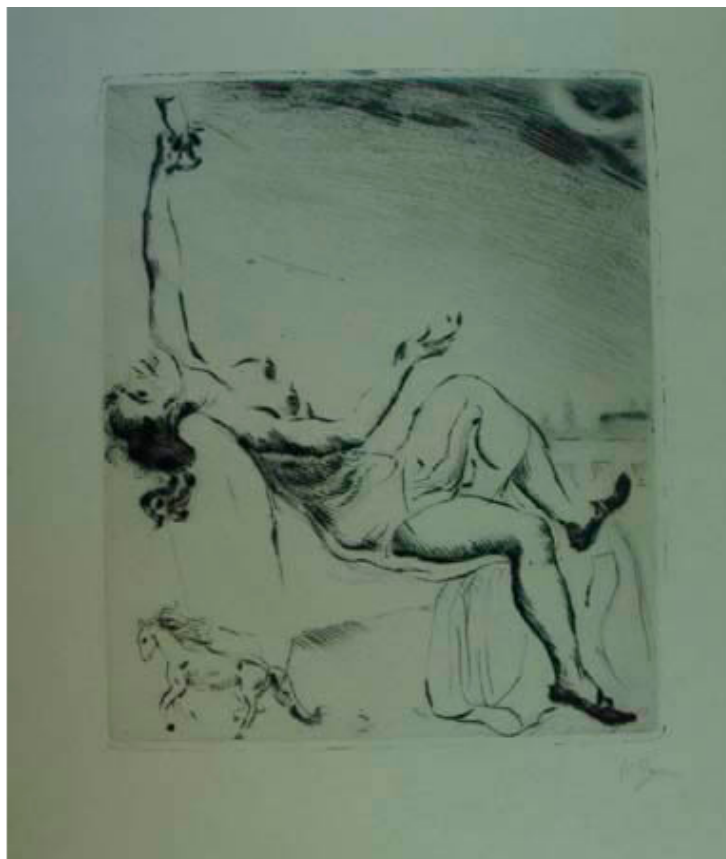
Литературный критик и мемуарист Александр Бахрах оставил яркий портрет Берлина начала 1920-х годов:

Странный это был город, неповторимый, и едва ли гофмановское перо способно было бы с достаточной убедительностью передать «несуразность» Берлина начала двадцатых годов нашего века. В нем смешивалось многое – еще не зарубцевавшаяся горечь поражения, крушение всех недавних кумиров и то странное – тогда еще, собственно, Европе неведомое явление, которое ученые финансисты именуют «инфляцией» и которое было не только экономическим или социальным, но в еще большей степени психологическим феноменом.

Марк Шагал говорил о Берлине 1920-х годов:

После войны Берлин стал чем-то вроде караван-сарая, где встречались все путешествующие между Москвой и западом... В квартирах на Bayrischer Platz было столько же самоваров, теософических и толстовских графинь, сколько бывало в Москве... За всю свою жизнь я не видел столько великолепных раввинов или такого множества конструктивистов, как в Берлине в 1923 году [6]

Не избегает соблазнов и Роберт. Вместе с друзьями он посещает злачные места ночного Берлина и затем, совместно с Михелем Фингештейном издает серию гравюр «Из Берлинских притонов»

Роберт Генин. «Из Берлинских притонов»

Маньчжурия. КВЖД

В 1894 году, когда на престол взошел молодой император Николай II, Россия строила 3000-мильную Транссибирскую железную дорогу, которая обеспечила прямое железнодорожное сообщение от Уральских гор до Владивостока. Необходимо было проложить дополнительную ветку через китайскую провинцию Маньчжурия. После того, как Япония одержала победу над Китаем в китайско-японской войне 1895 года, Россия, наряду с Францией и Германией, убедилась Японию не захватывать часть Маньчжурии, которую она получила по послевоенному договору. Граф Сергей Витте, министр финансов России, попросил и получил разрешение на строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию в обмен на эту услугу. В 1896 году Китайская империя Цин предоставила России концессию на строительство, позволявшую построить и эксплуатировать железную дорогу, а также передать под российское управление довольно широкую полосу земли по обе стороны от железнодорожного полотна.

Решив перенести штаб железной дороги из Владивостока вглубь Маньчжурии, чтобы позволить строительство железной дороги из ее центра, группа инженеров была направлена туда, где река Сунгари пересекала проектируемую линию. Харбин был построен как железнодорожный узел там, где раньше были только несколько рыбацких деревень.

Сергей Витте посетил Маньчжурию в 1902 году. Качество жизни русских поселенцев повергло его в уныние. Он и князь Владимир Коковцов, товарищ министра, восхищались деловыми способностями евреев и приветствовали их поселение в Маньчжурии. Царь, который презирал евреев, все же согласился ускорить развитие Маньчжурии, предложив евреям возможность жить без ограничений, если они переедут в Маньчжурию. По выражению С. М. Дубнова, «ненависть к евреям во все времена соединялась с любовью к еврейским деньгам».

После заключения в 1896 г. договора с Китаем о строительстве КВЖД вся Манчжурия попадала под статус 100-верстовой приграничной полосы, и евреям въезд туда был запрещен. Вопрос о легитимации участия евреев в колонизации Маньчжурии представлял для центральной власти проблему: как привлечь их деньги и остаться в рамках антиеврейских законов? Основанием являлось письменное приглашение администрации КВЖД. Формально дорога являлась негосударственным предприятием, и это освобождало ее руководство от необходимости придерживаться официальной политики антисемитизма. Харбин стал одним из ведущих центров российской эмиграции, самым крупным центром российского еврейства на Дальнем Востоке. [7]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.